

Александр Соболев

Круг разорвать

2020

Александр Соболев

Круг разорвать

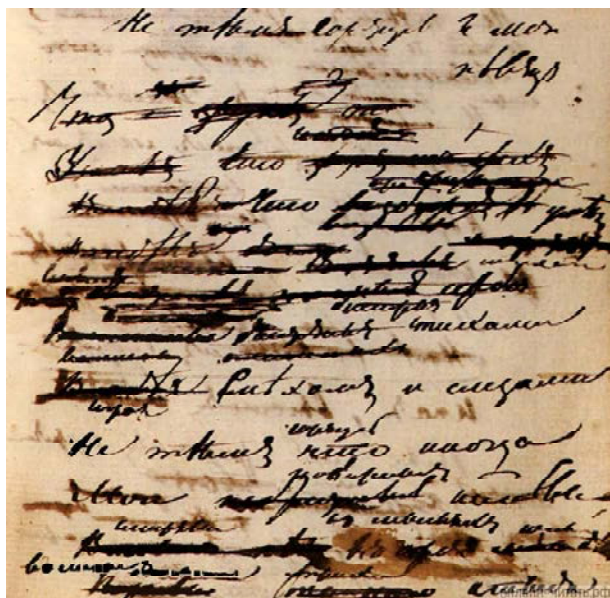
Таганрог 2020

ББК 84 (2Рос=Рус)-5
С 55

Соболев А.Ю.
С 55 Круг разорвать. Стихи. –
Таганрог: изд-во «Нюанс» (ИП Кучма Ю.Д.), 2020. – 110 с.

ISBN 978-5-98517-515-8

© Соболев А.Ю., 2020

ПОМЕТКИ НА ПОЛЯХ

* * *

«Если не будете, как дети...»

Забыл о тусклых, его – запомнил. Он был недлинный.
Как будто – день, и на ум пришло мне
идти долиной.

По палой хвое, по мягким тропам, не зная пала,
и по полянам с густым сиропом
нога ступала.

Мело пыльцой над лесной округой, беспечной силой
сияло небо и по заслугам
наградой было.

Горбатый корень, валежник влажный, резные лозы –
всё отзывалось на эту жажду
мгновенной грёзой,
то муравьями, то муравью ступней касалось,
плелось желанием и мечтою...

Опять казалось,
что спелым будущим день наполнен, как рот – малиной,
и жизни полдень! Чуть–чуть за полдень
перевалило,
где сытно пахнет с корзинкой в рифму грибной мицелий,
кораблик солнца минует рифы,
чудесно целый,

струится, светится напоследок спиральным светом,
и хмель по вантам то так – то эдак,
то там – то этам...

Одушевлённый и каждой частью во мне продлённый,
он знал, как лёгок, красив и счастлив
полёт подёнки,
он был любовным напитком лета и аналоем,
он звал ребёнка, он ждал приветов,
он пах смолою,
корой сосновой оттенка чая, лесным левкоем...
Он жил единым своим звучаньем,
своим покоем.
Недолгий, он дорогого стоил. На белом свете
мы были – целым, нас было – двое,
и с нами – Третий.

ДОМ НАПРОТИВ

А лет пятьдесят тому начинался май,
сирень занималась, многое было внове.
С набором из глюков, глупостей и любовей
шкатулка судьбы раскрывалась уже сама.

И ночи стояли свежие, как моря,
и страсть к переменам тянула вперёд и выше.
...Когда через тесный люк он попал на крышу,
то некому было мешать или укорять.

Внизу тополей и акаций толпились купы,
и стало другим пространство вокруг и в нём,
и был на четыре стороны окоём,
где вдруг развернулся медленный звёздный купол.

На верхней палубе в переплетенье вант,
среди антенн, надстроек уснувших лифтов
он плыл вперёд, на курсе не было рифов.
Он был себе Ломоносов, Коперник, Кант.

Он знать не знал, к какому приписан порту,
но шёл к удаче, видел цель целиком!

А рядом серийной копией, двойником
другой пассажирский шёл по правому борту.

Светились шторы, съедался вчерашний суп,
подсчитывались потраченные пиастры,
и два корабля эфир держал на весу,
и плыли они в кильватере тьмы *per astra*.*

Весенняя ночь творила свои дела,
а жажда чудес и жадность души и плоти
искали спасенья в женщине, что была
гола перед сном, и, не чуя того, звала
своим обнажённым телом в окне напротив.

*) По звёздам (лат.)

ПАРАФРАЗ

Безветренный вечер налит по края
зелёного неба. И звёзды–соседи
мерцают в доверчивой тихой беседе,
поди, догадайся, которая чья.
Густеющей стаей в искряный садок
неспешно сплываются. Ветви раздвинув,
сквозь частые грозди незрелой калины
какая–то ищет свою половину,
от музыки сфер отрешась на чуток.

Из тёмного логова мокрых садов
искомый лицо подымает навстречу
зениту, где шарики света лепечут
на темени тьмущей вселенских ладов.
Ему не хватало к закату любви,
и этой звезде без него одиноко.
Он мог бы туда, но не выслужил срока.
И та обнимает, как Леннона – Йоко,
вьюнками лучей осторожно обвив.

Чего же им больше? куда им спешить?
И хватит ли этим, печали вручённым,
огня, обречённого быть отлучённым
от суетной, глупой, бесстрашной души?

Но свет прибывает, и длится черёд,
хоть он не старался... а, может, нарочно
с серебряной ложкой во рту и в сорочке
родился на краткие годы и ночи —
услышать кремонские песни её.

Кастальский родник, оправданье стиха,
летучий кораблик, лазурный колибри,
безгрешное светлое пламя ex libri
имён и гаданий... Чиста и тиха
июньская вечеря. Воздух свежей.
И пьётся, и дышится. Та, не другая —
трепещет, и мрак безмятежно свергает,
и каждое яблоко встречно сверкает
с деревьев познания истин и лжей.

Гори, не сгорая... Он счастлив тобой,
звезда Вифлеема, светило ислама.
С тебя начинаются люди и храмы,
и ты родилась от кого-то звездой.
И медлит библейский архангел с трубой,
беззуба химера распада и срама,
не в силе надменная Белая Дама,
когда обрамляет стемневшая рама
доставший до сердца клинок голубой.

ОТЧЕТНЫЙ ДЕНЬ

Февраль – сырой, как башмаки в прихожей.
Сезон хандры, смурное бытиё.
Дракон линяет. Лезет вон из кожи,
с неодобреньем смотрит на неё.
Тут есть над чем подумать, право слово.
Чего хотел, чего реально смог,
и отчего случился не фартовый
и скучный промежуточный итог?
Не сам себя ли держит на аркане
и чем у нас утешиться готов
покаместь не последний могиканин
помимо доморощенных понтов?

Хоть цвет прически несколько поблек,
он как-то не собрался в Гваделупу,
и, стало быть – приличный человек! –
не кушал черепахового супа.
Бывал женат. Досаднее всего,
что сей париж не стоил люминала,
но бразильянка юная его
кофейными ногами не сжимала.
И к нашим девам он недоприник,
не надышался миром и сандалом,

хотя, конечно, слышал женский крик
не только в кульминации скандала.

Как уверяют древние китайцы,
он мог копать – а мог и не копать:
узоры папиллярные на пальцах
и так сулили масло. Он кропать
умел разнообразные поделки –
весёлое лихое ремесло! –
когда строка летела лёгкой белкой,
а из глагола дерево росло.

Он верил, как велел его устав.
Каноны оставляя без присмотра,
не знал ни ритуала, ни поста,
но мог и голодать недели по́ три.
Он не любил брехливую печать.
Ему уздечки были не по сердцу,
но как-то умудрялся сочетать
черты космополита и имперца.

Он люто ненавидел термин «жрать» –
сырую нефть, надежду, судьбы, баксы,
где власть лежит на всём кислотной кляксой,
подшипники истачивает ржа,

и где из глины в проклятом гробу
опять встаёт неистребимый Голем...
Как часто он благодарил судьбу,
что не стрелял и слать на смерть не волен.

А что любил? Любил дрова колоть,
чтоб звук был полон. Утреннее солнце
и лунный перламутровый ломоть.
Грозу и снег. Живые волоконца,
протянутые в завтра. Трель щегла,
Тынянова и горные поляны,
и женщину, которая могла
умножить звук и смысл – и быть желанной.

И были дети. Много хотел –
но в лучшей теме он не разобрался.
Он не доделал половины дел,
но в половине случаев старался...
И вот, кроя к жилетке рукава,
разглядывая сброшенную кожу,
он знал, что долг придётся отдавать,
не здесь, так позже.

ПАМЯТКА

Делириум тременс* имеет в активе то, что вдруг исчезает грань. Зоопарк Денницы с набором рогов и копыт, пятаков, хвостов сожительствует с душой, а не просто мнится. По слухам, приятного мало. Дверной глазок в преддверие пекла обычно задёрнут шторкой, но если туда заглянул хотя бы разок – так это не глюки, и дверку лучше не торкать. Но время имеет свойство идти назад. Хотя бы и близко не пахло зелёным змием – бездонное «было» вернёт пережитый ад, и память поднимет чугунные веки Вию.

Мальчонке всего–то исполнилось пять или шесть. Обычный ребёнок, детство без лишних стрессов, и вряд ли он был законной добычей бесов, но речь не об этом... Кошмара чёрная шерсть его не спросила. Мозги опаливший жар две ночи подряд служил одному и тому же: меж этим и тем куда–то делась межа, оставив ему непосильный посмертный ужас.

...Он был содержимым безумно жуткой тюрьмы, и тьма была её единственной сутью.

Он был амёбой, кляксой, гримасой тьмы,
в себе заключавшей зыбкое время ртути.
Он был существом, пробитым тупой иглой,
беззвучным воплем, агонией и надсадой,
и только животный страх сохранял его –
на долю мига – от будущего распада,
не смерти второй, а вовсе не-бытия.
И зная уже, что края ему не будет,
себя на исходе, дрожало жалкое «я»,
ничем не скреплённое в той кромешной посуде...
Баланс на оси, где малейшей опоры нет,
и судорожный пароксизм эфемерной кожи
угрюмой смолой пропитывал чёрный свет,
и муки секунды с вечностью были схожи.

Он лет через сорок припомнил тот эпизод
и думал печально про опыт, вставший из праха,
узнать не умея, какой уродливый код,
какие грехи эгоизма легли на плаху.
...И был через множество дней предутренний сон.
Там море шумело, на жёлтом песке играя,
и, стоя поодаль, счастливо завидовал он
весёлому братству людей, обещанных раю.

*) Белая горячка

ПРЕДСТОЯНИЕ

Как не призадуматься о слоге лаконичном.
Сила краткой фразы умножается стократ,
если с нею на устах умирает личность –
Леонардо и Рабле, Гёте и Сократ.

Вот, цыкутой вскорости от тела исцелённый
(к мудрости Сократов демократия глуха),
вымолвил единственный на сотню миллионов:
«Не забудь Асклепию в жертву петуха».

А когда Вольтеру облегчить пытались бремя,
призывали дьявола в душе не сберегать –
бросил ядовито, что теперь не то, мол, время,
чтобы наживать себе нового врага.

Где, когда и что на посошок тебе подарят –
тут уж придётся, а со смертью не балуй,
а впрочем...

«Я готова, мальчики!» – сказала Мата Хари,
отослав шеренге воздушный поцелуй.

Может быть, конец пути и впрямь дела венчает.
«Пульс пропал» – отметил Грин*, как следует врачу.
И Антуанетта: «О, простите, я случайно...» –
наступив неловко на ногу палачу.

Вспоминается порой о них, уже не прежних.
Там никак не передёрнешь, будь ты трижды плут.
Эдвард Григ сказал: «Ну что же, если неизбежно...»
а философ Кант сказал: «Das ist gut».

*) Джозеф Грин, знаменитый хирург

* * *

...И когда я беру рубанок, делаю стих
или делаю вид, что делаю важное дело –
это всё ремёсла. Пойми, признай и прости,
что плоды работы по-ясельному неумелы.
Ну и что же, что результаты пока худы?
От тебя не ждут чиппендейла или «Козетты».
Это, собственно, как учиться с нуля ходить
и оценивать расстояние до предмета.

Что ладонь не клешня – уже немалая честь,
подаёшь надежды. Хотя и хлопот немало.
Заусенцы и диссонансы затем и есть,
чтобы чуял сопротивление материала.
Вы похожи с ним, свилеватым кривым комлём,
где рисунка ткани ещё предстоит добиться.
Между искоркой единицы и тьмой–нулём
по наждачной зерни проложен пунктир границы.

Потому что план мироздания предельно прост:
шлифовать натуру, исходно всегда дурную.
Механизм экспресс-комбинаций, клеточный рост,
где геном умений и функций особь формирует.
И покуда не обеспечены векселя

лексиконом, вкусом, мозолями, глазомером –
по молочной реке вдоль вишнёвого киселя
не тебе рассекать молодецким лихим манером.

Но и в этой жизни случится случай такой,
чтобы в нервный узел ударил тебя стрекалом –
и пропал, и канул, подхвачен Другой рекой.
Ты ведь помнишь?.. несколько раз бывало, бывало...
И приснится, а, может, присных пришлёт к тебе,
исчезающе малым сим пожелав заняться,
снисходительный к сучковатой твоей судьбе
Демиург чудес, сублимаций и инсталляций.

И когда прикоснётся, шепнёт на ухо тайком,
что такого пока не слышал, что так сокровенно
сочиняют сны – и займётся Красным цветком,
а потом потечёт горячим ручьём по венам...
и когда под Его рукой неброский сюжет
обретёт бесценную душу – ни мало, ни много –
кособокий смайлик в черновике у Слога,
улыбнись родне, навещавшей как-то уже.

РЕВНОСТЬ

22-е декабря 2012-го

Короткий день, морозный день. Конец планеты – та же хрень,
что спички про запас.

В погибель верит только псих. Серёдка суток. Там у них –
как раз полночный час.

Но апокалипсис – он днесь. Локально взятый – здесь он весь,
как худшее из зол.

И черной меткой – интернет, и текста ловкий багинет
под ложечку вошёл...

И не смекнуть, за что бы так – но крупной дрожью бьёт костяк,
и день в глазах пожух.

Тюрьма без окон и дверей. Не греют рёбра батарей,
заслуженный кожух.

Он не тачает больше ляс. Присел на круп его Пегас –
позёмка, гололёд...

Не держат время тормоза, оно ползёт, ползёт назад,
в девятый скудный год.

Он знал давно, и потому не нужен в пастыри ему
ни друг, ни брат, ни Ной.

Он знал про это столько раз, что даже страх его погас
истлевшей головнёй.

И вьюги тропы порошок, и мёрзлым пасынком душа
бредёт в Ледовый зал...

Уже без ника, аноним. И что назавтра будет с ним –
он знать ещё не знал.

САМОЕДСКИЕ

* * *

сучками украшенный посох
задумал отправиться в Сохо
и не хочет признаться что ему бы остаться
черенком для лопаты неплохо

* * *

везде не солоно и шатко
а времени поправить – шиш
и чаешь бледную лошадку
обратной стороной души

* * *

извилины грецкие ворона сыть
и воли и доли и боли
когда не понять не спасти не простить
себя ли судьбу ли её ли

* * *

...и первое сопряжение тел.
Жестоким шквалом плоть полощет.
Сердца пока ещё на ощупь,
их стук свиреп и оголтел.
Их плотный яростный огонь переплавляет меч в орало
в чудесном тигле.
Ночь начала...
Ладонь оправлена в ладонь
и сквозь клубящийся эфир, во тьме от края и до края
зрачками пальцев озирает и открывает встречный мир,
который срочно захотел родиться в новом варианте,
к другой вселенной толерантен в невыразимой наготы.

Раскрыта бездна. Звёзд буран.
В клепсидре шторма парной тенью,
сплочённой полем тяготенья,
несёт, как лист, катамаран.
И, серебром блестя над ним, оберегая их земное,
неуследим, неуловим, летит дозорный херувим,
солдат небесного конвоя –
но нет пощады тем двоим...
Им брезжит тайна бытия, их небо молниями дышит,
и влажным смерчем – выше, выше! –
встаёт великая змея.

... Бледнеет цвет ночных чернил.

Уже восток беззвёздно–светел,
и красный гребень белый петел под гладью вод
воспламенил.

Отлив качает колыбель. Едва струящееся время,
сплетая будущее, дремлет в новорождённой голытьбе.

Синица в их руках тепла. Его и сонную подругу
любовно лечат от недуга, от ночи, выжженной дотла.

Узнавшим первые азы – им хорошо. Им сладко спится.

Под утро снится той синице другого времени язык.

Там всё меняет прежний вид, но страсти суть не умирает.

Страница повести – вторая.

Стоимиллиардный том любви.

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Этот ивовый лес, драгоценный квезал*,
даже целая стая с хвостами до трав
и до ряски речной, где растёт стрекоза
на осоке. Где солнце подвергло с утра
перекрёстной атаке зенита и вод
бедолаг–рыбаков. Где в дремучей жаре –
пятимерного чувства избыточный код,
стрекозы голубое тире.

Этот перистый лес для тебя берегли.
Мы его толмачи и его же улов,
мы следим, как восходит энергия глин
по канатам из хмеля в рангоут стволов,
и от влаги парной, от ленивой воды,
от соблазна – уйти не останется сил,
хоть купаться не след, потому что следы
по колено впечатаны в ил.

Он растёт полосой на краю у полей,
у границы разумно устроенных нив,
обрамляя протоки державы своей
и морёные ветки туда уронив.

Улыбнись же, душа, отдохни от забот,
этот лес о тебе забывать не велит,
и любую тугу загрузит собой
плодородная умбра земли.

Опрокинута в небо, растений поверх,
ты лежишь у пригорка на тёплом плече,
но другой окрылённый, поэзии стерх –
он взмывает сквозь гребень отвесных лучей,
отпустивший грехи и простивший глухих,
отразивший пернатым своим молоком
совокупность стихов, и стрекоз, и стихий,
и растущих над ним облаков.

*) Священная птица мая

* * *

Нам повезло, что в этом мы не лжём,
что можем дать и взять, не оскорбляя,
что позвоночник прям и не виляет,
не егозит испуганным ужом.

Не унижаем душу дележом.
Восьмая и тем более Седьмая —
они вины за нами не признают,
хоть чувство своевольно и свежо.

Черновиков поправить не вольны,
но снег в ложбинах, след морской волны
и запахи альпийские густые —

как лучших строк обетованный свет,
как терпкий вкус вина негласных лет,
как золото вечерней Византии.

ЮБИЛЕЙНОМУ СЕБЕ

С днём рождения, родной! Расти – не хнычь!
Как любил Тарковский в такой денёк,
сочиним–ка бодрый заздравный спич,
сочинять под градусом – наш конёк.
Моему куратору исполать –
миновал эксцессы, обут и сыт.
Так чего же нам себе пожелать
и о чём бы нам теперь попросить?..

– В юбилейный год и в любой другой
будь удачлив, весел, крепок в кости.
Пусть судьба золотой осенней рукой
молодильным яблоком угостит.
Молодильный яблок – славная вещь!
И сейчас, и после, тверёз или пьян –
будь всегда здоров. Оставайся весь,
как оно, румяным и полным семян.

Пусть влетает в денежку бытие –
хорошо, что в доступе вещный мир.
Он цветёт, растёт, кое–где гниёт,
но совсем не худшая из квартир.

Ничего на блюдечке не несёт,
но ведь нет причины терпеть облом.
В самый раз сегодня забить на всё
и поставить главный вопрос ребром.

Госпожа Фортуна! Ты помнишь знак,
о котором истово я мечтал?
Ты дала его. Неизвестно, как
и в какую форму залиют металл –
только мой избыток, избыток весь,
пентаграмму жизни, бумажный тлен
с драгоценной нэцкэ уравновесь,
остальной сортамент бери взамен.

ОДИНОЧНЫЙ ПИКЕТ

ПРИТЧА О СТРАХЕ

Ранним утром в колодцы стекает мрак,
горизонт выталкивает светило,
и саванну, насколько глазам хватило,
заливает его пламеносный зрак.
Чередой плывут кувшины с водой,
и мужчинам тоже найдётся дело,
и один из них, разминая тело,
налегке устремляется за едой.

Тот мужчина ловок и полунаг,
он силён уверенностью индейца,
он недаром хочет, не зря надеется,
он владеет Секретом и знает – как.
Где равнины вибрируют от копыт,
он найдёт положенную добычу,
и обычай охоты – его обычай –
существо намеренья подкрепит.

Он давно и до кочки знает дорогу,
и теперь, замыкая её в кольцо,
не спеша трусит со своим копьем
к аккуратно выбранной круторогой.

Та не видит в двуногом большой беды
и срывается с места. Но так и надо.
Он бежит, отделяя её от стада,
накрывая ступнями её следы...

Он бежит не час, не два и не пять,
огибая кустарник, форсируя вади,
он бежит убийственной цели ради,
отнимая надежду за пядью пядь,
заставляя фатальный итог принять,
предъявляя жертве свои резоны,
появляясь вновь на её горизонте,
возникая в зрачке опять и опять.

А о том, что можно круг разорвать –
быстроногой издревле знать не положено.
И она, сиротливой тоской стреножена,
принимает погибельной доли кладь.
Не желая видеть, не в силах сметь,
антилопа падает на колени,
и глаза её застиляет тенью
краснокожий ужас, а следом – смерть.

СНАЙПЕРЫ

Черная дыра зрачка вставлена в систему линз.
У химеры – глаз без сучка. Глаз химеры целится вниз.
У химеры – камуфляж. Высоко взлетела, тварь.
Превращает площади в пляж, на асфальты льёт киноварь.

Киев, Вильнюс и Москва перед ней лежат пластом.
Им ли о телах тосковать, если души смяты пестом...
Профессиональный ствол цокнет – и проблемы нет.
Деловитый смерти укол – с людоедом наш паритет.

Длинным пальцам мертвеца хочется живых сердец,
толку, что в конце–то конца свой же в глотку брызнет свинец.
Он не знает полумер. Варятся идеи–фикс
в черепах таких же химер, в кабинетах с номером «икс».

Смрад, и блуд, и ложь – их дух. Подоплёка шкуры – бакс.
Письмецо от «сорока двух» – деликатный им пипифакс.
Синдикат, консорциум, пул, подлости замес на кровях.
... Векторной проекцией пуль ненависть прошита моя.

* * *

- Вы понимаете, что обезьяны идут на город? - спросил Дональд.

- Ну и что?- растерялся Андрей.

- Действительно - ну и что?- сказал Дональд и неприятно рассмеялся.

А. и Б. Стругацкие. «Град обреченный»

Обезьянье кубло – попробуй, дёрни какую-нибудь.
Каждая держит соседа за надлежащую часть.
Плотное множество, про эволюцию – напрочь забудь.
Этот кластер, клубок, комок называется «власть».

Это есть круговая, точней, шаровая порука.
Погляди, как скрючены лапы, хребты, хвосты.
Эта шара особей (слава родной науке!)
без гвоздя и клея подогнана точно встык.

Каково сгустились, активностью обуяны!..
Электричества – ноль, но зато синдром кучевой.
Неизменный фарш, наши сукины обезьяны,
начинившие суд, полицию – много чего.

Что теперь – на попятный, мухой в гости к арахне?
Или вновь к идеалу костями дорогу мостить?

Респектабельностью революция и не пахнет,
но и в этом котле прогрессу не прорасти.

Да одной Кущёвки, батеньки, с лишком достаточно,
чтоб любым европейским премьером заткнули очко...
Перспективы наши, понятно, светлы и паточны,
а уставшую нацию держат за дурачков,
для которых скоро сгодится и чай с сахарином.

Где вы, братцы–варяги?! История – колесо!
Я под пыткой не отдал бы им Курил с Сахалином,
но за медные деньги ссудил бы Сибири кусок.

Приходи, желтолицые! Мы не таких принимали.
Вы хотели Урала? Идите к нам на Урал!
Наши женщины вашим визитом смутятся едва ли,
а сынов Поднебесной встречают уже «на ура»...

Там у вас трясёт, а мы от просторов пьяны,
то ли глина на трактах сибирских, а то ли гной...
...А у них на Хоккайдо тоже живут обезьяны,
ну, и с нашими смогут поладить, им не впервой.

* * *

И вдоль Днепра, и по–над Доном –
такое разное несчастье...

Чума на оба властных дома,
в летальной дозе, не отчасти.

Там друг у друга нас украли.
Но есть надежда, есть надія,
что схватки мы не проиграли,
хотя нигде не победили.

* * *

Бывает стих, как невольный крик –
таким он душе и нужен.
Там руки свободны от сгнивших лык,
а горькая боль – наружу.

Но что–то держит мои тормоза...
В кровавых соплей болоте –
как часто мне гадко от тех, кто «за»,
и тошно от тех, кто «против».

ЕЩЁ ДО ГРЕТЫ

У несчастья свои назойливые резоны.
Человек, человечество – только вопрос числа.
... Сумасшедшая женщина с личиком искажённым
подбирала мусор и в урну его несла.
Из чего родился этот комок печалей?
Кто убил её детство, кем росток обожжён?
обнажён окружён силком снаряжён?
И глаза её извинялись, звали, искали,
а гримаса улыбки резала, как ножом.
Измождённый подранок, пыталась мало–помалу
разгрести пространство для жизни иной, большой,
исполняла дело, как его понимала
обнищавшим разумом, скорбной своей душой.

В океане есть острова из плавучей дряни,
исполинские, не влезающие в окоём.
Из трясины цветной, из продукта людских стараний
поднимается солнце над мокнущим лишаём...
Чуть поменьше Гренландии и побольше Суматры,
где ни ряби, ни рыб летучих, ни рыбаков –
в колыбелях течений находкой для психиатра
размещаются и вольготно, и широко.

Массаракш*. Накрывают пески, что саванной было.
Где жила антилопа – сегодня ползёт змея,
и суда в солёной пустыне на ровном киле,
на ржавеющих днищах обморочно стоят.
На поверхности рек проступают барханы мелей,
астматически дышат целые города.
Орбитальный хлам, миллионы гектаров пней ли –
чем сумеете чёрный промысел оправдать?
Вы опасны. Ты, Дориан из мусорной лиги.
Ты, гельминт из сената, конченное жульё.
Господин олигарх из обоймы других олиго.
Сумасшествие этих – большее, чем её...

Выбирай: или дети индуса, сакса и росса –
или власть отброса, который себя плодит.
Выбирай, не задавая детских вопросов,
в силу права, определившего твой вердикт,
ради жизней, уничтожаемых тихой сапой,
ради женщины, искупавшей нашу вину.
Гоминид эректус, пока никакой не сапиенс,
прибери за собой планету свою, говнюк.

*) Мир наизнанку (А. и Б. Стругацкие)

Долина речки была измызгана человеком,
одной из дрянных личин, тупых звероватых морд,
которой пятак милей её киселя и млека,
которая отродясь сама с пятаком, как чёрт.
Над речкой вилась тропа. Обкушенный столб фонарный
могильным торчал колом, осиной в эпоху вбит.
Из дёсен сырой земли для надписей лапидарных
к услугам юнцов росли корявые зубы плит.
Кострища, наплывы глин и ржавые виадуки,
негаданных новостей скрипучий коловорот
ответили тем двоим угрюмой своей докукой,
мороча средь бела дня. А может, наоборот,
вопрос задавали им...

Дриады тут не водились,
но граб или вяз вздымал древесный литой желвак,
и стайка уток была порукой речных идилий,
и быстрые плавники морщили гладь... Вот так,
предчувствиям вопреки, река жила и дышала,
а флот водомерок ждал попутного ветерка.
Плавучая шелуха несколько им не мешала
скользить и блинчики печь в разводьях её зеркал.
Космические гонцы, стремительные иголки
пронизывали насквозь зелёный листовяный клей,

мигала речная рябь, смеялась на солнце чёлка,
а утром тут соловей точил золотой елей –
весна, говорил, весна!..
Резных тополей армада
светилась, и плотен был апрельского неба пыл.

Она цилиндрик цветной открыла, словно помаду –
и лёгкий рой пузырей в прогретом воздухе всплыл.
Летели от тёплых губ большой Земли сателлиты,
снижались по–над водой, садились на мутный плёс,
и это было трудом прощения и молитвы,
неспешный их караван дыхание жизни нёс.
Она глядела вокруг внимательно и прилежно –
ко всякому здесь стволу приветливая лоза.
И солнце катилось в дол, и робкой надежды нежность
в ответ на немой вопрос светилась в её глазах.
А речка себе текла...

К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА

1.

Колесо Фортуны по рытвинам катится,
шаркают напильники, время пиля,
сыплется и сыплется зернь силикатная
гранами и гранями сквозь капилляр.
Перекаати–полем, косматыми ордами
ветром через степи несло племена.
Как они скакали со стягами гордыми,
сея по округе свои семена...

Римляне, османы, испанцы с германцами –
были те самцы среди прочих сямей
с их вокруг столбов ритуальными танцами,
запахом пожаров и потных коней.
Да... А всё же нация, как перебесится –
сточатся клыки и сотрутся рога –
сразу прекращает нести околесицу
и свои окрестности зря напрягать.

Вломают топором по кудрявому вензелю –
и с концами, способ, понятно, не нов.
Матушка–природа снижает претензии
и адреналин у своих драчунов.

То есть, есть и в драках немалая разница.
Сберегая женщин своих и детей,
франки надавали норманнам по заднице,
сталью и смолой защитили Ситэ.

2.

Сыплется песочек. И ладно ли, плохо ли —
лязгая ребордами дней чумовых,
минуло столетие с дымом и грохотом,
с ликами и мордами лихой головы.
Было для чего—то чему—то желательно
персонифицировать чёртов синдром.
Не вина диктаторов и соискателей,
что не получился гоморрный содом.

Кто ни есть — тевтон, осетин, корсиканец ли —
им бы в лапы власть да ремень гужевой.
Вот они отпрыгали, сгнули, канули,
телом исчерпались, а дело живёт.
Тут не пригодятся ни съезды, ни хартии.
Беса приструнить — не по парку гулять,
и отджугашвильиться, отбонапартиться
будет посложнее, чем ваньку валять.

Мелют языки по запросу софистики.
Всё–таки достойны немалых грустей
драные орнаменты фиговых листиков,
милитаризация всех челюстей.
Титул басилевса, доктрины brutальные
здесь и за бугром примеряли на раз...
Новые норвежцы и дети Италии,
как бы кой–чему научиться у вас.

ПРОГРЕССОР, XII в. от Р.Х.

Холмы пустыни. Раскалённый
камнями Азии сквозняк.

Араба шпорами казня,
спешит барон из Аваллона.

Тяжёлый панцирь. Пот солёный.

Он скачет, коршуну родня,
и пена падает с коня
в святой земли сухое лоно.

Он крестоносец, прах от праха,
не Божий перст, но жалкий знахарь.

Надмирных не узнать лугов
душе, сопревшей, как рубаха.

И Сын Марии и Аллаха
печально смотрит на него.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Распахнувшимся, синеглазым,
как разбуженное дитя –
над степями и над Кавказом
караваны гусей летят.
Неоглядным, холодным, длинным –
посылают в далёкий край,
то ли линией, то ли клином,
узелковые письма стай.

Многомерным узлом завязан,
обнесён чешуёй границ,
удивляет наземный разум
тяготеющих к Югу птиц.
Над Алеппо и над Синаем,
над песками и над золой
гравитация их сквозная
проникает воздушный слой.

Не пытаясь понять законы
неопрятного дележа,
опасаясь стальных драконов,
изрыгающих рёв и жар,
полагая вражду позором,

обходя очаги огня,
неуклонно ведут к озёрам
оперившийся молодняк.

Покидая на срок лиманы,
перелётный ордер храня —
за Египтом и за Суданом,
где не рвётся в клочья броня,
на короткой точной глиссаде,
не задевая тормозной,
на озёра Замбези сядут
в ослепительный блеск и зной.

* * *

Во многом знании много печали
Экклезиаст

Не угодна сердцу разумность циклов,
оттого признать ему не под силу,
что жильё, в котором оно возникло,
недоношенным, недоспелым было.
На него к тому же точили зубы,
подсадные кряквы нашлись, где надо.
С хомутом Доктрины было не любо,
но плоды селекции – нам награда.
Крокодильи пасти у крайних справа,
а у крайних слева повадки скунсов,
диплодоки вообще удались на славу.
Зоопарк у нас на любые вкусы.

Мы опять о ней, о Большой потраве.
Ни следа Инонии в пыльном хламе,
но шакал Табаки в родной державе
воплотился в каждом чиновном хаме,
и любой идеал холуём облизан,
и трусливы графы её запретов.
Конституции ломаются от девизов,
а шкафы канцелярские – от скелетов.

Не исполнилось то, что мы замышляли,
и стыдясь девяностых, как почечуя,
удивляясь живучести джугашвали,
на ветру живём, натошак кочуем.
Чудаки, что мерялись с днём вчерашним
и на шаг смелее и дальше были –
в лагерях и в бойне у телебашни
стали прахом, но не дорожной пылью.

Что сказать. Мы крепко временем биты.
Память помнит, не надо рыться в архиве.
Углеродные часики тех событий –
в неистлевших костях. Времена глухие –
наш урок, наследие мезозоя
(да не будет выпренок эта фраза).
И дорога наша пахнет золою.
Нам простится. Но это будет не сразу.

ТРАНСФОРМА

*Dubito, ergo sum**

Рене Декарт

Не пытайся сдуру пенять природе,
что она не старается стать хорошей –
как назло, кривыми путями бродит,
континенты и живность в крошку крошит,
и вообще ведёт себя непригоже –
заливает лавами палимпсесты,
накосячив, тут же грунтует место
для каких-то новых своих художеств.

Хочешь – смейся, но в этом прискорбном факте,
в пандемии, накрывшей и нашу Землю,
отражён нестойкий её характер,
ибо местный Чёрт никогда не дремлет.
Громоздя катастрофу на катастрофу,
налагая лапу на всю планету,
он вполне себе эффективный профи,
но такой, как будто и вовсе нету.

Сплошь и рядом с ним никакого сладу,
дирижирует запросто всей оравой,
потому что принцип «Смотри, как надо!..»

подменяет кличем «хватай и хавай».
Для того ему и нужна аренда,
чтобы горний тезис пустить насмарку,
эволюцию Дарвина сделать брендом,
зачеркнув развитие по Ламарку.

Только где мезозойские голиафы,
несусветные челюсти тех драконов?
Почему–то первенство у жирафа,
почему–то хочется по–другому,
и подружка–жизнь спешит спозаранок
(пусть пока и нетвёрдой ещё ногою)
от деревьев, съедающих обезьянок –
к совершенству лотоса и секвойи.

Мы ведь тоже в этой экосистеме,
где всегда и всё ловили и ели,
но приняв на веру иные цели,
заразившись будущим рядом с теми,
кто для нас рождался и выше тянет –
не сорвёмся вниз, не застрянем между.
В общем, тут сомнения в чёрном плане.
Сомневаюсь – стало быть, есть надежда.

*) Сомневаюсь – значит, существую (лат.)

ПОЛШАГА НАВСТРЕЧУ

* * *

Он пришёл во имя Того, Кто собрал в горсти
зёрна жизней. Он был полномочным Его посланцем.
Не судить грехи, не заблудших овец пасти,
но спасти от зла, изоцрэнного большим Злом.

И вела Отцом предуказанная стезя
не к тому, чтобы кем-то править или свергать.
Он пришёл, ибо знал, что медлить уже нельзя,
потому что время играет в пользу Врага.

Он не мог по-иному, видимо. Мир людей
оставался спутанным пёстрым узлом страстей,
не умея зажечься чистым огнём идей,
предавая смерти на кольях и на кресте.

Он пришёл человеком – думать, делать, страдать
ради жизни Земли, ради долгих её веков.
И питала души Господняя благодать,
и растила подвиг Христовых учеников.

Во вселенском таинстве жертвы во имя всех
загорелась над Вифлеемом Его звезда.
Усмирять зло, искупая несметный грех,
Он любил наш мир и не мог к нему опоздать.

* * *

Ом мани падме хум

...И никогда не знает свой шесток
художник, гений времени и места.
Однажды он нарисовал цветок –
одним намёком, косвенно, окрестно.

Вот луг, цветущий на разделе сред,
заткавший заводь пологом узорным,
а каждый лист листу другому вслед
наследует пространство без зазора.
И эта плоть роскошна и резка,
она сверкает глянцево и рьяно,
а лотос пуст... Ни одного мазка
не положила в контур кисть Сарьяна.
В нем только белый, то есть все цвета.
Сияя полнотой неразделённой,
чудесно проступает Пустота
сквозь Лотос, белоснежный на зелёном.

Не угнетён обычая пятой,
послушный только внутреннему зову –
художник знал. И Будды дух святой
глядит из тела лотоса нагого.

СОН БАБОЧКИ

Он был и поэтом, мудрец Чжуан-цзы –
он знал мироздания основу,
струи водопада трёхмерный язык,
безмерное творчество Слова.

Пока он сандалии плёл не спеша
а после дремал безмятежно,
менялись местами с душою душа
в касании лёгком и нежном.

...Счастливая бабочка спит на сосне
частицей живого кристалла.
Философ ли сделался ею во сне,
сама ли философом стала?

Осеннее солнце... И прелесть игры
божественных Иней и Яней.
Текучая форма. Блаженный порыв
крылатых сознаний.

ДАНИЛУ АНДРЕЕВУ

...не смердом, не рабом. Мужчиной, а не дамой.
В России довелось, хоть в Греции теплей.
Она и Белый храм, и долговая яма,
и шахматный квадрант подземных королей.

А мы, в который раз чистилище покинув,
оставив за спиной ужасный мегалит,
играем в поддавки на тряпках арлекинов,
шутов и поваров хозяина Земли.

Как страшно понимать доподлинно, буквально
пророков и святых. Лиловый жуткий свет
хребтом предощущать над этой наковальней,
над русскою землёй, над лучшей из планет.

Страна идей и вер. Страна трудов кромешных.
А всё–таки Бедлам и всё–таки Гулаг.
Молитвенной свечой, берёзовым полешком
сгореть бы нам для той, которая бела.

А всё же не одни. Когорта прорубает
кровавые слои страданий и тоски!

И Santa Rosa там, где искра золотая,
где Роза Мира в срок расправит лепестки...

...Вот та, где он рождён. В снегах своих и горях,
испытанная злом, окутанная мглой,
бессмертных сыновей бессонным взглядом дарит,
поэтов и бойцов за гранью голубой.

ДОЗОРНЫЕ

Даниилу Андрееву

Вселенная, День седьмой. В гамаке лучей
совпав с резонансом светил, голубеет шарик.
Корпускулы солнц чужих по Системе шарят,
где он согревает бока, покуда ничей.

Звенит его бубенец, скорлупой обняв
тяжёлый орешек, чей мрак обведён лиловым.
Пыланием чёрной дыры творится основа
морей, континентов, снегов и опять огня.

И лаву вздымает с ней в унисон прилив,
по плоти коры проходит невольный трепет,
а солнечный шторм сплетает магнитные треки,
мешая с эфиром цветные венцы Земли.

Планета моя, приют мириадов душ,
ядро многомерных сфер, карусель событий,
гнездо океанов, голодных страстей, соитий,
мельчайшая спора одной из астральных луж!

От горных седин до испода её глубин,
от блеска духовных стран до свинцовой муки
за каждую пядь или мысль сражаются руки
и мощные воли. Клин вышибает клин.

Ошибки печальны. Покинутый жизнью Марс,
моря под песками... Иголками гравитонов
уже невозможно сшить куски Фаэтона –
кольцо астероидов, сонмы угрюмых масс...

Но юность Земли, удобренную золой
вулканов и метеоров, злом и любовью,
сейчас бережёт главнейшее из условий –
каскады миров, сияющий горний слой...

Просторную и прохладную колыбель
под сенью Христа дозоры воинов света
от морока лечат, чтобы жила планета,
чтоб шарик её кружился и голубел.

И Братья Его, Сыны одного Отца,
Которым других планет судьбу поручали,
их зори хранят, встающие под лучами
пресветлого Солнца, янтарного бубенца...

Когда–нибудь станет внятным приветный зов,
звучащий везде, где этот мир обитаем.
Пусть в помощь Им будет молитва твоя простая
из нескольких тихих и благодарных слов.

ХЛЕБ

На всех и про всё было пять хлебов,
но в эту ночь на озёрной косе
людей питала Его любовь,
и хлеба хватило всем.

Для них, пришедших под звёздный кров,
Он был надеждой, и Он гласил
устаами Отца, и сонмы миров
Ему добавляли сил.

Пять тысяч воль он сливал в одно —
и прирастала хлебная плоть.
Её наполнило то зерно,
которое не молоть.

Пять тысяч взглядов, ликов, судеб —
ребёнок, пряха, рыбак, раввин...
Им слово было нужней, чем хлеб,
и не с чем его сравнить.

Он знал, что земному пути его
остались не слишком долгие дни,
но не было рядом ни одного,
кто после кричал — «Распни!..»

ДУХ ПОРОГА

*Михаилу Гризли. На его фотографии
речного порога отчетливо видно
приветливое мужское лицо*

Он художник, мастер, с ним хорошо
чудеса глазами потрогать.
Непонятно, как он ракурс нашёл,
у таланта – своя дорога.
И продлился шорох, сентябрь, глоток,
волхованье воды и листьев...
Человек зачерпывает поток,
утвердись на камнях ребристых.
И струится фон, и желтеет лес
на прохладных влажных широтах,
золотистый блик и слоистый плеск
остановлены давним фото.

...Окружённое водяной пылью,
на граните, на гранях острых,
проступает ласковое лицо,
добродушно встречая гостя.
Не мираж – привычное колдовство:
полусонным туманным утром

улыбалось малое божество,
благоклонно, спокойно, мудро.
И валился лист, и текла вода,
как положено от начала,
мастихином осени струй слюда
по уступам лик рисовала...

У живого дышит каждый вершок.
Да сидят по своим берлогам,
для кого всё это трюк, фотошоп,
а не дух лесного порога.
Ну а магу фокусы не к лицу,
он ремесленник, он эмпирик,
он глаза разлепит даже слепцу
на исходное в этом мире.

ТРИ СОЛНЦА

Тем, кто поверит

Присущие миру, как выдох и вдох,
три пламенных солнца по небу идут.
Являет планете тройную звезду
незримая тайна, единая в трёх.
В исконном порядке, который вменён
законом вселенной и мерой земной,
тройным циферблатом в трельяже времён,
сияющим цугом плывут надо мной.

Три света скользят по упругой дуге.
И первый, белее полярного льда,
в лучистой короне алмазный брежет
из будущей жизни восходит сюда.
Нездешнее солнце, блистающий дух
прозрений, наитий, пророков, жрецов,
японская астра в небесном саду
потoki времён заплетает в кольцо.

Вторая звезда – изумрудный портал,
светило, которое видят в раю –
в идей и событий согласный хорал
вливает глубокую ноту свою.

Пространства прошиты спиральной волной,
мгновенны посылы сквозного луча.
И дело творения смысла полно,
и солнца галактик синхронно звучат.

А третьего солнца пресветлый фантом,
ласкающий душу и внятный глазам,
встаёт и уходит немного потом.
И протуберанцев горит органза,
и крутится–вертится спелый ранет,
где джунгли и люди, базальт и вода,
блаженно вбирая божественный свет...
И третий закат наступает, когда
отстав на полтысячи здешних секунд,
даруя вечерней зари благодать,
уже окунается алый корунд
лицом утомлённым в багровую гладь.

К МОИМ ПОЭТАМ

ПРОЛОГ К «ЗОЛОТОМУ КЛЮЧИКУ»

Он сидит на стуле, греется у огня.
От него ложится тень на щербатый пол.
За стеной метёт. Но событий лихой сквозняк
никаких щелей в мастерской себе не нашёл.

И, однако, холодно. Только он да очаг
согревают друг друга. Тюбиков скорлупа.
На гвозде куртка – нет ни жены, ни чад,
потому и азбуку некому покупать.

Он почти старик. Ладони ловят тепло.
Интерьер скупой из темени по углам
и еловых подрамников. Верный ему оплот
не пускает сюда лишний и праздный хлам.

Он прошёл сквозь жизни пожар и успеха дым,
он видал и гари, и блики ночных костров,
он глядит туда, куда не попасть другим –
уроженец вольного города Мастеров.

Ничего нигде никогда не сгорит дотла.
Приручает пламя зябкий ночной рубеж.

На полу палитра, кисть, и её краплак,
как язык огня, горяч, своенравен, свеж.

Он устал, но не это важно – щедры дрова.
Он успел сегодня сделать, что захотел.
Допотопный свитер добротен и мешковат,
и пылает жаркий очаг на его холсте.

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ СКРЁБОВУ

Неводы строф, помогающих жить,
Или негромкая тонкая проза...
Классика примет в свои стеллажи
Отклик судьбы, без акцентов и позы.
Лыком хорea строка сплетена,
Август раскинул шитьё голубое,
Южного моря сквозит глубина
Между валами седого прибоя...
Именно здесь уравнились права
Храма, поэта и малой будылки,
Ангел-хранитель сносил-собирал
Йоты, и граны, в миги в копилку.
Лёгкие строки размерены метром.
Осень, печаль и любовное ретро –
Время вернуло добычу назад.
И никакая сторонняя сила –
Чем бы не тешилась – не разлучила
Утро души и внимательный взгляд

К 15-ТИЛЕТИЮ «СОЗВУЧИЯ»

Не столько клуб друзей, не просто ниша –
но в лучшее билет.

Мы рядом согреваемся и пишем
пятнадцать долгих лет...

У нашего семейного арбуза
в полосочку наряд.

Нам выжить помогала милость музы
пятнадцать зим подряд.

Мы здесь не все. Мы – хрупкие детали,
но судят по делам.

Нас больше на стихи, что мы писали.
пятнадцать вёсен нам.

* * *

Николаю Михайловичу Скрёбову

Он убежал трагической чепухи.
Встретит его пейзажей цепь золотая,
музыка сфер в ответ на его стихи...
Красок, во всяком случае, там хватает.

Он принесёт туда неделимый дар
ведения добра и его творенья.
Вставший над вечным покоем высокий яр
будет ему границей невзгод и прений.

Лучшее – наше, моё – на прощанье – Вам,
знавшему эту скромную авансцену.
Вашей часовни свет на дороге в храм
стоит судьбы, заломившей такую цену.

БАЛЛАДА О НОВОМ ДОМЕ

Наталье Борисовне Апушкиной

На шумной улице в центре жила поэт.
За окнами жил из стен и витрин коллаж.
Хоть ноги служили плохо, но много лет
она взбиралась на свой четвертый этаж.
Там книжным полкам мешал старомодный шкаф,
и сложно бывало тем, кто широк в кости.
Там даже стул старался исподтишка
изрядную долю площади обрести.
А к ней ходили, писали в её альбом,
был чай, стихи и беседа, сейчас и тут.
Её любили многие. Этот дом
охотно вмещал гостей в свою тесноту.

Он с ней говорил порою про тот свет.
Ну, как же без этого, коли о Слове речь.
Она сомневалась, мол, есть ли что или нет –
а только вернее реальность стихом беречь.
Она жила, ничего не копя впрок.
Ей было не просто, но светом жила душа...
Она ушла, потому что пришёл срок,
и сердцу уже не по силам стало дышать.

Звонок из больницы, краток и деловит.
Сказали недоумённо, что так и так,
что утром и приезжайте, что морг открыт
с такого-то часа.

Квартира стала пуста.

Был тяжкий вечер. Он кому-то звонил,
и кто-то не мог поверить такой беде.
Настало горькое «вдруг», не хватало сил
принять философски обычный итог судеб.
И не было легче от мысли про мир иной,
и тело томил какой-то глухой гул,
и он отзывался такой же глухой виной,
но было поздно. И он, наконец, уснул.

...Просторная комната солнцем была полна,
и в нём, золотом, одиноко стоял диван.
На этом диване опять сидела она,
и он понимал, что на праздник радости зван.
Что это начало, а не конец пути,
что здесь промежуточный финиш, а не финал,
и что теперь-то будет всегда везти!..
И он, шутя, с облегчением ей пенял:
— И где Ваш скепсис? Вот новой жизни ручей,
вот новый мир, и он, похоже, на ять!
Она отвечала весело в том ключе,
что где уж заранее схему процесса знать.

Лежал за окном зелёный и свежий луг,
к окну и двери пологий всходил склон,
и было тепло по-летнему. Только вдруг
двух женщин, по лугу идущих, увидел он.
И было ясно, куда они и к кому.
Они подходили споро, пока поврозь,
и первая улыбнулась мельком ему,
открыла дверь – и разом всё пресеклось.

... При жизни она умела делать дома,
и этот новый, впусивший бабу и мать,
за малое время успела создать сама,
чтоб было удобно в нём гостей принимать.

* * *

Светлане Михайловне Новиковой

Купаются ли в лужах сизари,
зима ли приключается седая –
а женщина, смеясь или страдая,
стихами о насущном говорит.

Листаю жизнь... Попробуй, разбери,
в каких веках следы её сандалий,
в какие неисхоженные дали
уводит сокровенный лабиринт.

К чему существования интрига?
Чем делится распахнутая книга
и сына дочка, ручками обвив?..

Всё это для вопросов на ответы,
во имя прибывающего света
и ради откровения любви.

* * *

«Уличный скрипач»

Эдуард Холодный

Часовая мина с пружинкой,
теснота её, неуют.
Идиотской жизни ужимки
и печаль, когда предают.

В этом тикающем настоящем
так нужна мелодии нить...
Только кто же цинковым ящиком
сможет музу обременить.

Мы хороним надежду на братство
и страны убитую честь.
Может быть, не стоило браться,
если мы такие, как есть.

Но становится струнным голосом
облегчающий сердце плач,
если кистью из конского волоса
по душе проводит скрипач.

* * *

...из сердца рвётся синей птицей стих

Елена Прибыльская

Несколько икон у меня –
память об ушедших от нас.
С прошлым сплетены имена
взглядами внимательных глаз.
В тёмной рамке под палисандр –
Невский на иконе с мечом.
Что хранит святой Александр,
кем высокий жребий вручён?
Медленно желтеет листва.
Узами созвучных имён,
ритуальным знаком родства
связаны его – и моё.

Трудно ли над бытом парить?..
Попроси – и вся недолга.
Той, кто мне икону дарил,
кто-то в этом здесь помогал.
Зов не может быть одинок,
если в ком нужда велика –
и плела сонеты в венок
светлого посланца рука.

И соткутся вместе Матисс
и мятежный Клод Дебюсси,
белый лотос и кипарис –
только захоти, попроси...

Будущее бывшим кроят,
новое – звучащим болит.
И прошла по сердцу струя
давней чужестранной любви,
синей от испанских небес,
знойной от испанских баллад.
Мало просила себе,
только ту мечту и звала.
... Там разлит глубокий покой,
где её ступает нога
лёгкой стихотворной стопой
по росистым синим лугам.

КОГДА СТУКНЕТ...

Копыта о рёбра, ни сна, ни покоя.

Из раннего

И время стучится в рёбра, и мы по нему подковами.
Гримасы необщих лиц фиксируем строф гвоздями,
а перфоленту из будней на глади его мелованной
дырявим на конфетти... Бог весть, какими вестями
оно на десерт порадует. Но барабанных палочек,
которые в такт стараются, держат гонор и ногу,
из нас уже не получится. Разве что так, по мелочи –
чеканом ли, бубенцом ли. И ладно, и слава богу.

Мы бьем, как пёстрые дятлы, как бьют на берёзе зяблики,
до финиша полагаем, что действуем самостийно,
нам пухом гнёзда галактик, мы портим райские яблоки,
и средства наши негодные становятся кровным стилем.
Долбим скорлупу Вселенной, настырные, желторотые,
в слоистых светлых мирах следим красоту детали,
готовим снадобья в ступках для зелия приворотного,
настоянного на днях, что рядом прострекотали.

ПАНЕГИРИК

Юрию Перфильеву

Спелёнуты судьбой, не зная про спираль,
в двумерном превзошли двоичные таблицы.
С привычкою желать ни пуха, ни пера
преобразуем в нуль любую единицу.

Кто многократно жил и часто умирал,
тот знает, что нигде не нужно торопиться.
Попробуй, оступись – и некто Рюбецаль
уже не предстаёт нелепой небылицей.

Но счастлив человек, узнавший верный тон,
умеющий парить, как имя Левингстон,
над хаосом дорог в трёхмерном оперённый.

Постигший плотный смысл, самодовленье слов,
он дарит, не скупясь, свой чаячий улов
и капельку себя из кобальта и крона.

СТАВРОПОЛЬ, «45-Я ПАРАЛЛЕЛЬ», «БЕЛАЯ АКАЦИЯ»

На Скифской плите, где гуляла волна,
на прахе ракушек, на кряже высоком –
акации цветом, акации соком
пропитана лета тугая струна.

Над свежим пространством, над Градом Креста,
где бродят подпёртые ливнями тучи
и кручу глубинными токами пучит –
начертан поэзии твёрдый устав.

Где жизнь повторяла когда-то азы,
где горы потоками лавы алели,
где в древности были не те параллели –
становится главной платформой Язык,

и русское слово, себе господин,
под крыльями даймонов, жителей рая,
в себя диалектику жизни вбирая,
свои диалекты сливает в один.

И речь без огрехов, и речь без грехов,
и радость, и чьи-то сердца нараспашку,

И полис, родившийся, видно, в рубашке,
становится полем и хлебом стихов.

И что бы упорней противилось злу,
и что бы вернее хранило и грело
большого народа усталое тело,
чем ставший единою родиной звук...

ВДОЛЬ РАННЕГО

«Оставаясь водой»

Ольга Андреева

И снова читал. И понял, как было.
...Водой оставаясь, талой слезой,
она узнавала поэзии силу
и наш мезозой.

И были русла уже тесны ей,
любому клише грозил остракизм,
но всё ещё ставила прописные
в истоке строки.

Она и вправду не представляла,
как много умеет помнить вода,
а память – «не знаю» переплавляла
в негромкое «да».

Свобода воли, свобода боли –
соседи... Кому находить легко
в запруде, луже, на рисовом поле
морских светляков.

Когда пересохшая жизнь мелеет,
мельчает строфа и струна хрипит –
дарила ливень в сезон суховея,
ему вопреки.

Стихии голос, природы малость –
искала единственно точный знак
и соль. А соль навстречу старалась
почувствовать, как

в густом пространстве, в крутом растворе,
опознанный ей пока на глазок,
с рассветом припал к поверхности моря
холщёвый мазок.

КОНТРАПУНКТ

давай–ка без шифтов кочек запинания
лежачих полицейских семафоров знаков
управления преткновением ибо это мания
схоластов эффект же почти одинаков
есть ли нет ли какой заусенцы в поле текста
обрати внимание
заглавная литера этакое коленце
мания величия ванек и манек

смешна закорючка на запятках фразы
да будет двучтение вместо двуточия
вешать нельзя простить сразу
прикинь–ка испанцы разные прочие
ей–ей извращенцы і вопят без оглядки!
ладно в конце но даже в начале
дубинку лепят вверх рукояткой
с понтом эмоцию этим включают

так обжора втыкает вилку в котлету
так матрона требует смерти абзаца
и всё сотворчество сразу в лету
а смыслу придётся не стать а казаться
от скобок согбенна стиха осанка

верночитания нет начертания
строчка все в узелках как с изнанки
зачем пунктуация на черта она

и вот когда глаголы усталые
тихо к вечернему водопою
когда прострелены скрепок сталью
листы чернильные под ногою
когда подноготная скудно плачет
а смех обязательный скудно кормит —
Господи, выдели мне удачи
спрятать лицо за привычной формой...

СТРОКА

Посыл! Стрела скользит из колчана,
ещё не зная, что стрелок увидел,
какой итог соединится с ней.

Движением могучего ума
Гомер, Аристофан или Овидий
сумели бы смелее и верней.

Но лучник дерзок, лучнику дано
заметить то, чего не видит ближний.
Он чует цель, и замысел упруг,
и остря горячее зерно
способно зачинать стихию жизни,
не истреблять, но сеять новый звук.

Судьба стрелы мгновенна и полна.
Она права в стремительном полёте,
её освободил мятежный дух.
И воли напряжённая струна
звучит на ей одной суждённой ноте
во исполнение роли этих двух.

* * *

Эта внутренняя речь,
или, может – нутряная
(здесь о ней напоминает только зыбкое тепло) –
может литься, может течь,
или форму принимает,
если словом обнимают, лепят лепетную плоть.

И по райским муравам,
и по личной преисподней –
вот и выбежал на волю расторопный ручеек.
Но вот именно, что там
всё как раз и происходит,
не вникая ни на долю в назначение своё.

Вещь в себе – особый сорт
между прочими вещами:
на агоре не вещает, в тесной келье ворожит.
Плодородный влажный сор
день стиха предвосхищает,
насыщает и смущает всё могущим словом
«жить!»

1830-й

И за полночь пиши, и спи за полдень...

Д. Самойлов

...Поэт, любимец муз, слуга своей природы,
вкушающий винцо и сельские дары –
он связан по ногам, и вся его свобода –
жених ли, не жених – терзаться до поры.
А Гончарова ждёт, она в Первопрестольной,
где маменька брюзжит, где света миражи.
Он думает о ней. Однако ж, не настолько,
чтобы забыть о том, чем дух от века жив.
И пусть вокруг Москвы заставы, карантины –
он пленник языка, а там пока что гость,
и век бы не видать собольих палантинов.

Ненастье на дворе, в углу – стальная трость.
Какие в колыбель ни прилетали гули,
Аринушка, мой друг – судьба своё возьмёт.
Вольно ж ей прописать свинцовые пилюли,
наживки насадить на крепкий перемёт.
Кто тему заказал – волынщику заплатит,
и долг не отменить. Всею своя пора,
песочницы фарфор с насечкой рукоятки
не спутает рука, привычная марать.

Но это всё потом. В окошках свет ветшает,
прилежно кочерга орудует в золе,
лохматое перо весёлый мат мешает
и веские слова могучего Рабле.
Вот письма Натали, вот письма с новостями
о Франции. Одна забота им – шуметь.
У Польши шанса нет, а всё–таки восстанет.

За ломберным столом он пишет о чуме,
он пишет Мери плач и песню Вальсингама...
И вольная луна гуляет по стихам,
и адовым огнём горит Сальери гамма,
и вьюги свист в ушах... Начать – беда лиха!
Уютные сверчки про зазимок сверчат,
и тесно от цитат, катренов, извлечений...
Ай, Пушкин, сукин сын и Божий порученец!
Удачный нынче день... и за полночь свеча.

В ПЯТЬ ЛИНЕЕК

ТАНЕЦ

Далёкой радости исток, росток печали.
...Поэты разных возрастов
стихи читали.
Под шум листвы, наперебой, легко и лихо
они в компании с собой
играли рифмой.
Мой август десять лет назад, орёл с монеты.
Опять косят туда глаза –
на сцену эту.
Тот август десять лет тому, родник историй.
Он был чудака и баламут,
он много стоил.
И вечер был из тех, что вдруг... В богемной блузе,
когда события вокруг
плетутся в узел,
и вызревают, и хотят водораздела...
И холодало не шутя,
и голубело.
И я завидовал чуть-чуть моим поэтам
из гущи публики. Но суть
ещё не в этом.

И вот вошла в пятно луча шелков потоком,
как глянec листьев, горяча,
душа Востока.
Тревожа лёгким каблуком дощатый бубен,
взглянула весело, мельком.
Молчали губы,
но эта девушка была блаженной речью,
стихам – беспечна и смела –
не поперечив.
В непостижимом далеке – цвела и пела
на архаичном языке
живого тела.
Зелёный трепетный чинар – в ракушку сцены
она была облачена
и знала цену
тому, что танец делал с ней. И эта сила
казалась Песнею песней,
стихов просила.
Но в горле – нежности клубок, посильной данью...
Она сама была – любовь
вне обладанья,
бесценным даром – и ничьей.

...Мой друг Гораций!
Среди расставленных мечей –
ручей вибраций
дразнил, обманывал металл и, флейте вторя –
ты помнишь? – длился и сверкал
на фоне моря.
Как долго музыка живёт. Сплетая звуки,
светились плечи и живот,
струились руки,
под трепет бёдер и кистей лицо молчало...
От магрибийских крепостей
до Тадж–Махала
в безмолвном танце шла любовь. Одеты сталью,
по лепесткам её следов
века ступали.

* * *

Под вечер снег изрядно измельчал,
но сыплет бодро. Верно, быть морозу.
Пушистая белёная вискоза –
дарёной шубой с божьего плеча.

Когда Стрибог волением своим
кристаллизует внешние идеи,
худеют тучи и слегка скудеют
разреженные горные слои.

Хозяин зим, распорядитель вьюг,
он знал, что нужно тут, и принял меры.
Холодное бурленье тропосферы –
его забава, промысел, досуг.

Дыхание морозных альвеол
рождает снег. Он дышит, будто пишет,
всегда разнообразно. Гений свыше –
уж он – то никогда не пишет в стол.

Спешат машины. Крыши порошат.
Уместны и чьему – то глазу сладки
небесной манны щедрые остатки.
Вот небо стало ниже, а ландшафт –
пригляднее и глаже. Ночь близка.
Исходит год на Главном репетире...
И всё бы ничего в подснежном мире,
когда бы не жестокая тоска.

* * *

И – да, опять апрель. Как хлеб ржаной
сырой земли. Как верность двух веронцев.
Опять весна становится женой
по зову Солнца.

Не догадаться, кто на этот раз
пошлёт сюда чернильных каракатиц,
но пусть за ясным днём утонет глаз
в степном закате.

Мой стих, мой вешний, поспешай за мной
по корду сорок пятой параллели,
затем, что мы безрадостной зимой
переболели.

Зелёный мир. Поднявшийся орёл
плывёт в предгорий плавные увалы,
где южный ветер, наконец, обрёл
своё начало.

* * *

Решает первый взгляд в глаза,
смотреть – великое искусство.
Иная женщина сказать
и молча может нашим чувствам,
что жизнь взаправду хороша,
что нас искали не в капусте,
когда она, моя душа,
глаза поднимет – и опустит.

ЛАЛАНГАМЕНА*

Путей не выбирая, довольствоваться краем,
прохваченным хронической хворобою,
признать его заслугой гибрид ружья и плуга –
и вот – уйти в нездешнее, особое...

Не верилось? ещё бы! В реликтовых чащобах
тропинок каменистых червоточины,
здесь мир не знает злобы, и кварцем высшей пробы
оскаленные русла оторочены.

Забудь про «либо – либо». Союз ствола и глыбы,
падение рек сквозь млечные туманности,
замшелые ланиты огромных мегалитов,
уснувших на полянах древней данностью.

Здесь хаос – и порядок, а воздух свеж и сладок.
Бурунное белёсое кипение
в теснинах и излуках. Но прочно держат буки
крутые склоны пальцами–кореньями.

Мерцающая мельхиором, недремлющим дозором
стоят, переливаются узорами,
и светлым хризолитом короны их политы,
и весело сияют на лазоревом.

Холмиста и туманна моя Орлионтана**,
хребтами молчаливыми очерчена.
Ложбины пахнут снегом, а на пригорке пегом
цветы смелы и стебли гуттаперчевы.

А к ночи над отрогом, над облачным чертогом
родится по чьему-то наущению
кусочек золотого, приветливое слово
прощания, а, может быть, прощания...

Останься неизменна, моя Лалангамена,
покинутое милое отечество,
где небо держит ветка, где рысь тебе соседка,
и вечный лес живет человечества.

*) Планета «Родной дом» (Г. Диксон)

***) Мир горных духов (Д. Андреев)

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

В мокрых парусах ночного сада
Заплутал зодиакальный свет.
Отражаясь цирками в листве,
лунный луч поймал свою цикаду.

В небесах – сквозная эстакада.
Ночь тиха. Дрейфующий корвет
оставляет шелестящий след.
Путь его далёк и не угадан.

Вся округа вымыта дождём,
каждый запах каплями рождён,
блики обзаводятся корнями.

Ночь влажна. В обличье ветерка
чья-то невесомая рука
яблоко тяжёлое роняет.

БОЯРЫШНИК

Под лёгким хмелем светлых рощ,
изменчиво–сквозных,
где каждый ствол и нищ, и тощ
над золотом казны,
где солнцу некому мешать,
где в грусти уличён –
попросит отдыха душа,
отведав, что почём.

Под синей ризой ноября
в сплетении теней
последней мелочью рябят
остатки их сеней.
И крови медленный пожар
полуденной порой
зажжёт неопалимый дар –
багровых ягод рой.

Под беглый бодрый ветерок
над россыпью монет –
в края, где радость не порок,
а счастья всё же нет.
Туда, в осенние луга,
в негромкое «приди»,
не второпях, не наугад,
судьбу опередив.

* * *

Зашторено небес прохладное лицо.
Под утро пал туман, а вот уже и нету.
И на полях лежит серебряной пыльцой
печальный след кометы.

Но вот случайный луч, завесу истончив,
искристым хоботком, как бабочка из рая,
медвяную росу с озимых собирает –
и сам медоточив.

Попробуй, удержи круговорот воды,
круговорот любви, надежды, притязаний.
И той, кто оставлял летучие следы,
не удержать глазами.

Но можно вслед любить, узнав её язык,
читая между строк безумную страницу,
где некто Сирано, собрав росу в пузырь,
не дал себе напиться.

Зачем же вспоминать угрюмый смысл примет,
захлёбываться вновь потерянным ответом...
Осенний сон души. Неяркий странный свет
кочующей кометы.

ГОЛУБАЯ КАНАРЕЙКА

Из Винсента Фьорино

Моя канарейка, не жалуйся ветру,
давно упорхнувший уже не вернётся.
Остыло гнездо на склонившихся ветках —
зачем твоя трель безутешная льётся?

В саду загрустили и спрятали лица
цветы, огорчённые жалобной вестью,
и слушают робко, как длится и длится,
уносится ветром печальная песня.

Над садом моим, над сосновою веткой
твой голос призывный разносится снова,
но он твоего не услышит привета,
он так далеко от забытого крова.

Напрасно не плачь, о моя голубая,
ты друг моего одинокого горя,
вечерняя песня твоя исчезает
в тоскующем сердце, в закатном просторе.

Тви–тви... улетает, теряется эхо,
Тви–тви... это ветер его повторяет,
и шёпот деревьев ему не помеха,
моя канарейка, моя голубая.

* * *

Зима отпустила. Февраль на исходе,
и мартовских зайцев приходит черёд,
и некто внутри без лицензии бродит
и ласковой лапой за горло берёт,
и рыскает, сволочь, в сосудах и клетках
голодным волчищем из трех поросят!

Синички на ветках, на гнёздах – наседки
умильным ансамблем вразброд голосят.
А кто–то, пустившись в пассажи лихие
в надежде, что муза простит векселя,
бренчит по указке весёлой стихии.
Сегодня в тапёра прошу не стрелять.

Веснянка залётная, где ж ты блукала?
В ту пору, где был он ни мал–ни велик,
сверкало серебряной ряби лекало,
ложился на плавни оранжевый блик,
и чудо раздольное мамки–природы
будило мечты, в колокольчик звоня,
в любую весну и в любую погоду
любя без затей молодого меня.

Салют рецидивам! Упругой пружиной
она разбивает мою ностальжи,
смешно и подумать, что жизни причину
уместной строфой изложить надлежит.
И правда, мой свет, не из всякого сора.
Гармошка апреля растянет меха,
опять зацветёт безмятежно и споро
фонтан лопуха в чернозёме стиха.

ВИНОГРАД

*В память о Павле Яковлевиче
Голодриге, профессоре,
директоре плантации крымских
виноградников, покончившего
с собой после их раскорчёвки в ходе
кампании за трезвость*

Утречко октябрьское сыро и пасмурно.
Ночь неторопливо снимает покров
с гроздьев кабашонов под сизую патиной,
с бусин драгоценных овальных миров.

Розовыми лозами осень увенчана,
жалована лучшей из славных наград.
Щедрый, как надежда, и сладкий, как женщина,
в воздухе туманном висит виноград.

Сад мой, вертоград мой унылым не кажется.
Кончилась повинность копать да полоть,
вызревшими каплями, ягодой каждую
светится его благодарная плоть.

Сроков не отменишь. Редет над светочем
зазимком прибитый поникший наряд.

Листья обвисают истлевшею ветошью,
но, разоблачённый – висит виноград!

Кисти налились аметистовым бременем,
соками суглинка, водой кочевой.
Скорби виноградарей, злое безвременье –
всё–то повидал, всё ему ничего.

Что ему долги, о которых забыли мы? –
новые на землю сойдут времена,
было бы лучей золотых изобилие,
ждали бы кувшины густого вина.

* * *

В тёплый срок, где лучезарным положено
добросовестно сверкать и мерцать,
где над спелую черешней проложена
караванная тропа для скворца,

где погода улыбается всякому,
ловит воздух виноградная плеть,
клумбы розовы, а насыпи маковы,
где не хочется о прошлом жалеть,

где, проснувшись, ожидаешь хорошего,
где пейзажским отдыхаешь трудом,
где ореховые тени наброшены
на тобою обитаемый дом,

где смирение на царство венчается,
где подхвачены штаны бечевой –
наше сердце не боится случайного
и не просит у судьбы ничего.

* * *

Мой добрый друг, лирический герой –
он весь, как я, но репликат умнее!
Мы заняты заманчивой игрой,
и что-то в той песочнице умеем.
Нам рифмы не крутить на бигуди
и лавры не примеривать в гримёрных,
но майю на песочке разводить –
пускай пускает веточки и корни.
И я не маг, и он не соловей,
но вследствие эффектов нелокальных
ко мне приходит белый человек,
мой лучший вариант из зазеркалья.

Мой временный поверенный в судьбе!
Свои грехи, огрехи и печали
могу доверить одному тебе.
Поговорим – оно и полегчает.
Ты весел и остёр, у нас двоих
покуда профицит оксюморонов.
Но с энтропией местные бои
всё чаще переходят в оборону –
спина к спине или к плечу плечо.
Марионеткой театра Образцова
ты для меня не станешь нипочём,
мой кровный брат, близнец однойяцовый.

Мой славный клон! Куда я без тебя?
Осваивая практики и стили,
одним дыша и многое любя,
зачем—то ж мы с тобою расплодились.
И может быть, любезный мне двойник,
под этим солнцем мы не только тени.
Внутри стиходелической возни
мы чуем душу речек и растений,
полезный смысл, отчизны сирий дым...
В пространстве неслучайных комбинаций,
моё второе «я», гетероним,
давай почаще вместе собираться.

Содержание

ПОМЕТКИ НА ПОЛЯХ

«Забыл о тусклых, его – запомнил. Он был недлинный...»	4
ДОМ НАПРОТИВ	6
ПАРАФРАЗ	8
ОТЧЕТНЫЙ ДЕНЬ	10
ПАМЯТКА	13
ПРЕДСТОЯНИЕ	15
«...И когда я беру рубанок, делаю стих...»	17
РЕВНОСТЬ	19
САМОЕДСКИЕ	20
«...и первое спряжение тел...»	21
ПЕРЕД ДОЖДЁМ	23
«Нам повезло, что в этом мы не лжём...»	25
ЮБИЛЕЙНОМУ СЕБЕ	26

ОДИНОЧНЫЙ ПИКЕТ

ПРИТЧА О СТРАХЕ	29
СНАЙПЕРЫ	31
«Обезьянье кубло – попробуй, дёрни какую-нибудь...»	32
«И вдоль Днепра, и по-над Доном...»	34
«Бывает стих, как невольный крик...»	34
ЕЩЁ ДО ГРЕТЫ	35
«Долина речки была измызгана человеком...»	37
К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА	39
ПРОГРЕССОР, XII в. от Р.Х.	42
ГУСИ-ЛЕБЕДИ	43
«Не угодна сердцу разумность циклов...»	45
ТРАНСФОРМА	47

ПОЛШАГА НАВСТРЕЧУ

«Он пришёл во имя Того, Кто собрал в горсти...»	50
«...И никогда не знает свой шесток...»	51
СОН БАБОЧКИ	52
ДАНИИЛУ АНДРЕЕВУ	53
ДОЗОРНЫЕ	55
ХЛЕБ	57
ДУХ ПОРОГА	58
ТРИ СОЛНЦА	60

К МОИМ ПОЭТАМ

ПРОЛОГ К «ЗОЛОТОМУ КЛЮЧИКУ»	63
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ СКРЁБОВУ	65
К 15-ТИЛЕТИЮ «СОЗВУЧИЯ»	66
«Он убежал трагической чепухи...»	67
БАЛЛАДА О НОВОМ ДОМЕ	68
«купаются ли в лужах сизари...»	71
«Часовая мина с пружинкой...»	72
«Несколько икон у меня...»	73
КОГДА СТУКНЕТ...	75
ПАНЕГИРИК	76
СТАВРОПОЛЬ, «45-Я ПАРАЛЛЕЛЬ», «БЕЛАЯ АКАЦИЯ»	77
ВДОЛЬ РАННЕГО	79
КОНТРАПУНКТ	81
СТРОКА	83
«Эта внутренняя речь...»	84
1830-й	85

В ПЯТЬ ЛИНЕЕК

ТАНЕЦ	88
«Под вечер снег изрядно измельчал...»	91
«И – да, опять апрель. Как хлеб ржаной...»	92
«Решает первый взгляд в глаза...»	93
ЛАЛАНГАМЕНА*	94
ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ	96
БОЯРЫШНИК	97
«Зашторено небес прохладное лицо...»	98
ГОЛУБАЯ КАНАРЕЙКА	99
«Зима отпустила. Февраль на исходе...»	100
ВИНОГРАД	102
«В тёплый срок, где лучезарным положено...»	104
«Мой добрый друг, лирический герой...»	105

Подписано в печать 12.09.2020. Формат 60x84 1/32.
Объем 3,5 усл. п. л. Гарнитура Гелиос. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Тираж 150. Зак. 2.

Отпечатано в типографии издательства «Нюанс»
г. Таганрог, Солодухина, 87.

Воронка торнадо, локальный коллапс времён.
Кольцо частокола, крааль, стерегущий скот.
Магический круг, у которого сто имён,
имеющий шанс любого взять в оборот.

Там ворот влечёт впряжённого ишака,
там суть размывает вздора водоворот,
там кружат в лесу под уханье лешака,
там стрелка цепляет стрелку, и компас врёт.

И все – Уроборос, змей, прикусивший хвост.
Не слышен за шипом широкого мира зов.
Чешуйчатый принцип порочного круга прост –
прогулка в затылок его бубновых тузов.

И кажется им, что оттуда исхода нет,
что зёрна имён в труху сотрут жернова.
Но можно наружу. На волю, на белый свет.
Всего-то и надо, что хвост змее оторвать.